

Корреспондент — эпизод 1 из 7

Музыкантов было восемь человек. Главе их, Гурию Максимову, было заявлено, что если музыка не будет играть неумолкаемо, то музыканты не увидят ни одной рюмки водки и благодарность за труд получают с великой натяжкой. Танцы начались ровно в восемь часов вечера. В час ночи барышни обиделись на кавалеров; полупьяные кавалеры обиделись на барышень, и танцы расстроились. Гости разделились на труппы. Старички заняли гостиную, в которой стоял стол с сорока четырьмя бутылками и со столькими же тарелками; барышни забились в уголок, зашептали о безобразиях кавалеров и стали решать вопрос: как это так выходит, что невеста с первого же раза начинает говорить на жениха ты? Кавалеры заняли другой угол и заговорили все разом, каждый про свое. Гурий, первая и плохая скрипка и дирижер, заиграл со своими семью черняевский марш... Играл он неумолкаемо и останавливался лишь только тогда, когда хотел выпить водки или подтянуть брюки. Он был сердит: вторая и самая плохая скрипка была донельзя пьяна и чертовски фантазировала, а флейтист ежеминутно ронял на пол флейту, не смотрел в ноты и без причины смеялся. Шум поднялся страшный. С маленького столика попадали бутылки... Кто-то ударил по спине немца Карла Карловича Фюнф... С криком и со смехом выскочило несколько человек с красными физиономиями из спальни; за ними погнался встревоженный лакей. Дьякон Манафуилов, желая блеснуть перед пьяной и почтеннейшей публикой своим остроумием, наступил кошке на хвост и держал ее до тех пор, пока лакей не вырвал из-под его ног охрипшей кошки и не заметил ему, что это одна только глупость. Городской голова вообразил, что у него пропали часы; он страшно перепугался, вспотел и начал браниться, доказывая, что его часы стоят сто рублей. У невесты разболелась голова... В прихожей уронили что-то тяжелое, раздался треск. В гостиной, около бутылок, старички вели себя не по-старчески. Они вспоминали свою молодость и болтали чёрт знает что. Рассказывали анекдоты, прохаживались насчет любовных походов хозяина, острили, хихикали, причем хозяин, видимо довольный, сидел, развалясь на кресле, и говорил: И вы тоже хороши, сукины сыны; знаю я вас хорошо и любашкам вашим не раз подарки подносил... Пробыло два часа. Гурий в седьмой раз заиграл испанскую серенаду. Старички вошли в азарт. Погляди, Егорий! зашамкал один старичок, обращаясь к хозяину и указывая в угол. Что это там за егоза сидит? В углу, возле этажерки с книгами, смиренно, поджав ноги под себя, сидел маленький старичок в темно-зеленом поношенном сюртуке со светлыми

пуговицами и от нечего делать перелистывал какую-то книжку. Хозяин посмотрел в угол, подумал и усмехнулся.

Это, братцы мои, сказал он, газетчик. Нешто вы его не знаете? Великолепный человек! Иван Никитич, обратился он к старичку со светлыми пуговицами, что же ты там сидишь? Подходи сюда!

Иван Никитич восторженно, поднял свои голубые глазки и страшно сконфузился.

Это, господа, сам писатель, журналист! продолжал хозяин. Мы пьем, а они, видите ли, сидят в уголку, по-умному думают да на нас с усмешкой посматривают. Стыдно, брат. Иди выпей грех ведь!

Иван Никитич поднялся, смиренно подошел к столу и налил себе рюмочку водки.

Дай бог вам... пробормотал он, медленно выпивая рюмку, чтоб всё... этак хорошо... обстоятельно.

Закуси, брат! Кушай!

Иван Никитич замигал глазками и скушал сардинку. Толстяк, с серебряною медалью на шее, подошел к нему сзади и высыпал на его голову горсть соли. Солоней будет, червячки не заведутся! сказал он.

Публика захохотала. Иван Никитич замотал головой и густо покраснел. Да ты не обижайся! сказал толстяк. Зачем обижаться? Это шутка с моей стороны. Чудак ты этакой! Смотри, я и себе насыплю! Толстяк взял со стола соложу и сыпнул себе соли на голову.

И ему, ежели хочешь, насыплю. Чего обижаться? сказал он и посолил хозяйскую голову. Публика захохотала. Иван Никитич тоже улыбнулся и скушал другую сардинку.

Что ж ты, политикан, не пьешь? сказал хозяин. Пей! Давай пить со мной! Нет, со всеми выпьем!

Старички поднялись и окружили стол. Рюмки наполнились коньяком. Иван Никитич кашлянул и осторожно взялся за рюмку.

С меня бы довольно, проговорил он, обращаясь к хозяину. Я уже и так пьян-с. Ну, дай бог вам, Егор Никифорович, чтобы... всё... хорошо и благополучно. Да чего вы все на меня так смотрите?